

WILLIAM
TENN

IMMODEST
PROPOSALS

Уильям
Генн

НЕПРИСТОЙНЫЕ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Т33

Серия «Мастера фантазии»

William Tenn
IMMODEST PROPOSALS:
THE COMPLETE SCIENCE FICTION OF WILLIAM TENN, vol. 1

Перевод с английского

Компьютерный дизайн *В. Половцева*

Публикуется с разрешения наследников автора
и Virginia Kidd Agency, Inc. (США)
при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

Тенн, Уильям.

Т33 Непристойные предложения : [сборник ; том 1] / Уильям Тенн ;
[перевод с английского]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. —
800 с. — (Мастера фантазии).

ISBN 978-5-17-109870-4

Вампиры, привидения и ведьмы.

Инопланетяне и земляне, попадающие в невероятные переделки.

Модели ближайшего будущего человечества, окрашенные во все цвета радуги — от иронико-космических до мрачно-саркастических.

Вопросы архитектуры и философии, биологии и парапсихологии, феминизм и маскулинность, странные верования, воспитание детей, стыд и гордыня, порно и политика, расовые проблемы... Кажется, нет такой темы, которую Уильям Тенн обошел бы своим вниманием!

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© William Tenn, 2001

© Перевод. И. Гурова, наследники, 2018

© Перевод. Н. Галь, наследники, 2018

© Перевод. К. Круглов, 2018

© Перевод. К. Егорова, 2018

© Перевод. М. Ланина, 2018

© Перевод. А. Александрова, 2018

© Перевод. А. Новиков, 2018

© Перевод. Н. Кудряшев, 2018

© Перевод. В. Баканов, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-109870-4

Конни Уиллис

Шехерезада Берни: захватывающие рассказы Уильяма Тенна

Предупреждение. Не читайте предисловие, *пока* не прочтете рассказы Уильяма Тенна, собранные в этой книге. Я очень старалась не раскрывать концовки, но невозможно обсуждать рассказы Тенна, не обсуждая их сюжет, а смотреть, как сюжет разворачивается — и сворачивается вокруг вашей шеи, чтобы удушить вас, — одно из главных удовольствий от прочтения Тенна.

Так что прочтите рассказы в этом сборнике, по одному за раз (как шоколадные конфеты) или все разом (как шоколадные конфеты), после чего возвращайтесь и обсудите их со мной. Начните с «Берни по прозвищу Фауст». Это мой любимый. Или... нет, погодите. Сначала «Лиссабон в кубе». Нет, «Уинтроп был упрям». Нет, «На восток!» Нет...

Позже. Ладно, вы вернулись. Теперь можем побеседовать. Когда в 1999 году Уильям Тенн (настоящее имя — Филип Класс) выступал на банкете в честь вручения наград Американской ассоциации писателей-фантастов — ему присудили звание заслуженного писателя, которое присуждают недооцененным звездам жанра, — послушать его собрался целый зал писателей, редакторов и агентов. Каждый из которых отчаянно надеялся, что Фил не знает никаких историй о нем лично.

Дело в том, что он знает все обо всех в целом жанре. Он был частью научной фантастики в легендарном Золотом веке; он знал Фрица Лейбера, Клиффорда Саймака и Алгиса Будриса, работал с Джоном В. Кэмпбеллом и замкнутым Х.Л. Голдом, играл в покер с Робертом Шекли, дружил с Джудит Мерилл, Теодором Старджоном и Дэниелом Кизом. И он не задумываясь рассказывает забавные (и даже скандальные) истории про них всех.

В ту ночь на банкете он рассказал десятки таких историй, и аудитория могла слушать его всю ночь. Чарльз Н. Браун из журнала «Локус» (*Locus*) называет Фила Класса (настоящее имя — Уильям Тенн) «Шехерезадой научной фантастики» — имея в виду не только то, что

Тенн говорит, но и то, что он пишет. Пускай Тенн славится своим острым умом и едкой иронией, но в первую очередь он — рассказчик.

Его биография включает службу в армии, работу официантом, преподавание в Университете штата Пенсильвания и редактуру журналов и классической антологии «Дети чуда» (*Children of Wonder*), однако, как отмечает сам Тенн, все это было нужно лишь для того, чтобы «скоротать время между рассказами и романами».

Эти рассказы известны сложными сюжетами, хитроумными поворотами и незабываемыми персонажами: подозрительными жуликами, дешевыми Франкенштейнами, цыганами, печально некомпетентными мировыми правителями, работниками рекламных агентств. И инопланетянами.

Инопланетяне Тенна — вероятно, его лучшие персонажи: чемоданы с черными шупальцами из «Плоскоглазого монстра»; невероятно высокий мистер Тоху, согнутый «вперед в бедрах и назад в плечах», который, можно поклясться, перед уходом сунул в карман мистера Боху; семифутовые улитки Энди и Денди, огромные захватчики из «Людей в стенах». Выражаясь словами Джорджа Зебровски, «в должной степени пугающие, странные и *другие*».

Больше всего Тенн знаменит своими дьявольски хитроумными концовками. Некоторые критики называют их «трюкаческими», но это отнюдь не простые трюки. Во-первых, слово «трюк» — слишком мягкое для концовок, что бьет вас по лицу, словно рукоятка грабеля, на которые вы случайно наступили. Во-вторых, они — гармоничная часть истории, а не что-то, добавленное в качестве дешевого сюрприза.

Отличный пример тому — «Берни по прозвищу Фауст», рассказ о мошеннике, который встречает достойного соперника. Это не просто рассказ о мошенничестве — это и *есть* мошенничество, и мы с готовностью заглываем крючок. Я хорошо помню, как, читая его впервые, дошла до того места, где пришелец-сквернослов говорит, что хочет купить мост Золотые Ворота, самодовольно подумала: *Я знаю, что задумал Тенн*, — и прочла еще несколько страниц, наслаждаясь своим превосходством. Чтобы, дойдя до конца, обнаружить, что меня надули вместе с Берни и что мы оба остались с взвездным носом.

Но дело не только в неожиданных концовках, дело в самих историях. В «Арендаторах» эксцентричная фантазия обращается кошмарной ловушкой. «Освобождение Земли» не похоже ни на один из рассказов о первом контакте, что вы когда-либо читали, и лишь Тенн способен соорудить ужасы из леденцовых деревьев и сахарно-ватных облаков.

Удивляемся не мы одни. Когда Х.Л. Голд попросил Тенна написать «захватывающую, рикошетирующую по парсекам» космическую

оперу для «Гэлекси» (*Galaxy*), Тенн сочинил «Разгневанных мертвецов» — в некотором смысле, именно то, что просил Голд, хотя полученное не могло не ошарашить его. Как и читателя. Это рассказ про зомби и межгалактическую войну, но в высшей степени оригинальный и с глубинами эмоций, каких не ожидаешь найти в жестокой истории.

По иронии судьбы, именно «Разгневанные мертвецы» и блистательное «Освобождение Земли» считаются самыми знаменитыми работами Тенна, поскольку это серьезные рассказы, а Тенн в основном прославился как юмористический писатель. А может, это вовсе не удивительно. У научной фантастики (и литературы в целом) всегда были проблемы с пониманием такого, насколько серьезным делом является комедия и как трудно ее писать. А комические рассказы Тенна кажутся непринужденными и легкими, несмотря на их невероятную сложность.

Рассказы вроде «Я, снова я и еще раз я», «Плоскоглазый монстр» и «Мост Бетельгейзе» полны комичных ситуаций и забавных реплик. Люди выскакивают из переполненного поезда подземки, «будто сплюнутые виноградные косточки», гтетанцы относятся к закону «не как к образу жизни, а как к интересному препятствию, которое нужно обойти», а путешественник во времени из «Флирглефлипа» описывает прошлое, в котором оказался, как «сцену из Марка Твена, Вашингтона Ирвинга или Эрнеста Хемингуэя — в общем, одного из писателей того периода».

У Тенна забавны даже названия: «Лимонно-зеленый громкий как спагетти морозящий динамитом день» и «Таки у нас на Венере есть рабби!» Многие из них, например, «С человеческим лицом» и «Проблема слуги», несут колючий двойной смысл, который становится ясен только после прочтения, а в одном названии, «Открытии Морниела Метауэя», кроется *тройной* смысл.

И рассказы с этими названиями уморительны. Пожалуй, мой любимый (у меня около пятнадцати любимых рассказов Тенна) — «Две части целого», про амeboидного инопланетянина, который продает порнографические картинки землянину, а тот, в свою очередь, тут же помещает их в учебник биологии, и все это приводит к юридическому хаосу. Кого обвинять в преступлении после деления амобы? И что именно считать порнографией? Как выражаются сами амобы: «Неужели самые священные, интимные подробности нашей половой жизни должны бесстыдно гулять по всем уголкам Вселенной?»

Но хотя «Две части целого» нельзя читать без смеха, этот рассказ также заставляет задуматься. (Неслучайно цитата в начале сборника рассказов Тенна «Из всех возможных миров...» взята из «Кандида» и затрагивает разговор «о следствии и причинах, о лучшем из возмож-

ных миров, о происхождении зла, о природе души и предустановленной гармонии»..) Все рассказы Тенна поднимают серьезные вопросы о нас самих и о мире, в котором мы живем.

Ужасная ситуация, в которой оказываются люди из «Семейного человека», затрагивает важные проблемы контроля рождаемости и нашей одержимости социальным положением. «Плоскоглазый монстр» заставляет нас взглянуть на обычную историю о пучеглазом чудовище с совершенно иной стороны — и не только гадать о том, зачем чудовище унесло девочку, но и о том, действительно ли концовки всех историй о пучеглазых чудовищах в действительности были такими уж счастливыми.

Даже в прямолинейной страшилке вроде «С человеческим лицом» замечание маленькой девочки: «То есть если человек — вампир, что он может с этим поделать? Ничего, так ведь?» — повисает в воздухе, затрагивая тревожные вопросы о нас самих и о свободе воли. «Рассказы Тенна всегда на каком-то уровне вызывают тревогу, даже если они невероятно увлекательны, забавны и милы», — пишет Джордж Зебровски в «Научных фантастах XX века».

Возможно, сильнее всего заставляют задуматься рассказы Тенна о первом контакте с инопланетянами, которые сам он называет «Вот идет цивилизация!». К ним относятся «Мост Бетельгейзе», «Огненная вода», «Люди в стенах» и «Освобождение Земли» — и они совершенно не похожи на привычные истории о воинственных монстрах или благородных пришельцах, явившихся, дабы поделиться с нами продвинутыми технологиями.

Если они технологически достаточно развиты, чтобы прилететь к нам, рассуждает Тенн, значит, вполне способны нас захватить. Именно это демонстрирует он в сценах, заставляющих вспомнить о Вьетнаме, и варшавских гетто, и даже острове Манхэттен, с нами в роли аборигенов, продающих свой мир за пригоршню бусин.

Эти истории заставляют нас задуматься — но думаем не мы одни. Тенн также говорит нам о человеческих слабостях, о жизненной иронии, иногда даже о нерешенных проблемах в его собственных рассказах. В «Детской игре», крайне правдоподобной истории о Франкенштейне, герой случайно получает игровой набор «Сделай человека» из будущего и начинает им пользоваться. Его первые неуклюжие попытки приводят к дилетантскому младенцу, которого он оставляет на пороге приюта. Позже, тревожась о последствиях поступков героя (и своих собственных), Тенн написал другой рассказ, «Дитя Среды», о том, что произошло с этим брошенным ребенком.

Столь пристальное внимание к деталям отражает серьезность, с которой Тенн относится к собственной работе. Любому, кто сомневается в его приверженности писательству или научной фантастике,

следует прочесть эссе «О фантастике в научной фантастике». В нем Тенн делится своей страстной верой в «научную фантастику как средство литературного опыта, имеющего особый вес и значимость в эту эпоху», опыта, в котором «бесконечен не только космос, но и идеи», где автор ограничен лишь «собственным талантом, чувствительностью и тематическим диапазоном интеллекта».

Однако любовь Тенна к научной фантастике вовсе не означает, что он питает к ней исключительно нежные чувства. Он резко критикует ее недалёковидность и просчеты, а его рассказы зачастую являются сердитыми или саркастическими ответами на глупые условности и непродуманные допущения.

«Плоскоглазый монстр» — очевидный ответ дешевым космическим операм, «Проблема слуги» — историям про абсолютных правителей вселенной, «Открытие Морниела Метауэя» — фантазии, в которой кто-то отправляется в прошлое и встречает Леонардо да Винчи.

Многие рассказы Тенна посвящены путешествиям во времени. Истории о путешествиях во времени были процветающим поджанром в 1950-х годах и в основном вращались (иногда в буквальном смысле) вокруг замкнутой временной петли: герой отправлялся в прошлое и, используя свои знания о будущем, изобретал то самое будущее или становился исторической личностью, которую собирался изучать. Такие истории были очень забавными — а в руках мастеров вроде Майкла Муркока («Се человек») и Уорда Мура («Дарю вам праздник») становились классикой.

Однако многие из них представляли собой всего лишь замысловатую игру в шахматы, без какой-либо привязки к реальности или логике. В ответ на них Тенн написал рассказы вроде «Я, снова я и еще раз я», «Он умрет со шелчком» и «Бруклинский проект», в котором, как выразился Фриц Лейбер, визит в прошлое «меняет все во Вселенной, за исключением (вселенской!) человеческой природы с ее утомительными слабостями и абсурдностями».

И логика Тенна непоколебима. Он прекрасно знает, что если бы мы могли путешествовать во времени, то не устояли бы перед вмешательством в историю. А вмешавшись в нее случайно и вернувшись, чтобы все исправить, имели бы дело не только с последствиями своего вмешательства, но и с самим (или самими) собой, отправившимся в прошлое ранее. И наши мечты о встрече с исторической личностью, которой мы восхищаемся, вероятно, обречены на разочарование, ведь человеческая природа неизменна.

Тенн *многое* знает о человеческой природе. Он знает, что Франкенштейном скорее станет не замученный гений, а человек, чья личность не до конца сформировалась; что цепляться за месть нелегко; что люди зачастую жадны, лживы, наивны и гонятся за личной выгодой.

Последнее создало Тенну репутацию циника. Его называют «едким», «по существу пессимистом» и обладателем «преимущественно невысокого мнения о человеке».

Разумеется, оно невысокое. Кто из ваших знакомых знает столько о человеческой природе — и придерживается *высокого* мнения о человечестве? Но я не согласна с тем, что Тенн — циник. Может, Берни по прозвищу Фауст и жулик, но ему хватает совести не продавать собственную планету. Герой «Срока авансом» не совершает убийства, хотя имеет достойный повод и уже отбыл срок. А сержант в «Разгневанных мертвецах» ведет себя намного достойней, чем повело бы большинство из нас на его месте. То же самое относится к зомби.

Верно, Франкенштейн несет наказание, как и репортер в «С человеческим лицом», но оба это заслужили, и почти всегда именно похоть героя, или жадность, или уверенность в собственном превосходстве над другими оказывается причиной неприятностей.

И многие рассказы Тенна оканчиваются намного счастливей, чем мы ожидаем. В «Семейном человеке» Лизу не отдают для усыновления, а хранителю удается спасти не только ребенка, но и Мону Лизу, и часть Сикстинской капеллы.

Некоторые из неприятных персонажей Тенна также могут быть ответом на могучих героев и безупречных героинь, которыми кишит жанр. И столь многие из его рассказов, например, «Ирвинга Боммера любят все» и «Венера и семь полов», проникнуты духом такого веселья, что их не мог написать тот, кто ненавидит человечество.

Рассказы Тенна хитроумны, искусны, интригующи, ироничны, в высшей степени интеллигентны, трогательны и забавны. А также слишком малочисленны. Большинство рассказов в этом сборнике были написаны в 1950-х и 1960-х, и до настоящего времени найти их было непросто. Я чрезвычайно рада, что все они будут вновь изданы, причем под одной обложкой (хотя не менее приятно наткнуться на какой-нибудь рассказ Тенна в антологии, когда меньше всего этого ожидаешь, и вновь позволить ему соблазнить, удивить и обмануть тебя), но мне бы хотелось, чтобы их было больше.

И мне бы хотелось, чтобы он написал что-то новое. (Ты слышишь Фил?) Я думаю, это весьма возможно. Как выразился о Тенне Деймон Найт, он «не остановится, пока не скажет последнее слово».

Надеюсь, это так. Подобно султану Шехерезады, я готова слушать его всю ночь.

**ПРИШЕЛЬЦЫ,
ПРИШЕЛЬЦЫ, ПРИШЕЛЬЦЫ**

ОГНЕННАЯ ВОДА

Самый волосатый, грязный и старый из трех посетителей, прибывших из Аризоны, чесался спиной о пластмассовую спинку стула.

— Инсинуации по сути своей напоминают лаванду, — заметил он, как бы приглашая всех принять участие в беседе.

Его спутники, тощий молодой человек с плачущими глазами и женщина, чью миловидность портили лишь сгнившие зубы, захихикали и расслабились. Тощий процедил:

— *Кхм-кхм, пчхи!*

И другие многозначительно закивали.

Грета Сайденхайм оторвала взгляд от своей небольшой стенографической машинки, размещенной на двух самых головокружительных коленках, какие ее работодатель не смог бы отыскать во всем Нью-Йорке, а то и за его пределами. Она медленно повернулась к нему, озаряя своей красотой.

— И это тоже, мистер Хебстер?

Президент корпорации «Хебстер Секьюритиз» подождал, пока отзвук ее голоса не перестанет тревожить его уши; ему нужно было здраво мыслить и рассуждать. Он кивнул и бойко ответил:

— И это тоже, мисс Сайденхайм. Отражайте приблизительный фонетический состав этих «кхм-пчхи», и обязательно отмечайте, когда это звучит как вопрос, а когда — как утверждение.

Он поскреб своими только-только наманикюренными ногтями ящик, где лежал парабеллум с полной обоймой. На месте. Кнопки экстренной связи, с помощью которых можно вызвать любого агента «Хебстер Секьюритиз» — хоть весь штат Хебстер-билдинг из девяти сотен человек, — располагались всего в восьми дюймах от его руки. На месте. Совсем рядом дверь, а за ней стоят его верные, мощные, все как на подбор, облаченные в униформу охранники, готовые ворваться сюда, стоит только его правой ступне приподняться с небольшой пружины, встроенной в пол. И это на месте.

Алджернон Хебстер может вести дела со всеми, даже с первьяками.

Он вежливо кивнул каждому из трех аризонских посетителей, уныло улыбнулся, глядя на то, что массивные бесформенные башмаки на их ногах делали с шикарным, сплетенным специально для его кабинета ковром, в котором практически по щиколотку утопали ноги. Зайдя в сопровождении мисс Сайденхайм, они рассмеялись в ответ на его вежливое приветствие.

— Давайте оставим официальное знакомство. Вы знаете, кто я. Меня зовут Хебстер, Алджернон Хебстер. В приемной вы попросили о личной встрече. Если это важно для нашей дальнейшей беседы, моего секретаря зовут мисс Грета Сайденхайм. А вас, сэр?

Он обращался к старику, однако тощий парень наклонился вперед на своем стуле и протянул напряженную, почти прозрачную руку.

— Имена? — спросил он, — Имена круглы, если не раскрыты. Рассмотрим имена. Сколько этих имен? Рассмотрим имена, а потом пересмотрим имена!

Женщина тоже наклонилась вперед, и гнилостный запах из ее рта донесся до Хебстера даже через его огромный офис.

— Бурлит, настагает, бьет и взмывает, — подчеркнула она, разведя руки, соглашаясь с будто бы вполне очевидным утверждением. — Пустота умяет себя до вечности...

— До срока, — поправил ее старик.

— До вечности, — настаивала женщина.

— *Кхм-кхм, нчи!* — с горечью восклицал тощий.

— Послушайте! — перебил Хебстер. — Когда я спросил...

Загудела громкая связь, он глубоко вздохнул и нажал кнопку. Администратор быстро и испуганно заговорил:

— Я помню ваше указание, мистер Хебстер, но эти двое из Специальной комиссии по расследованиям «Организации Объединенного Человечества» снова здесь, и у них очень решительный вид. То есть сейчас, похоже, они готовы на все.

— Йост и Фунатти?

— Да, сэр. По их разговору можно понять, что они точно знают о вашей встрече с этими тремя первьяками. Они спросили меня, что вы пытаетесь сделать — преднамеренно распалить высшистов? Они сказали, что воспользуются полными надгосударственными полномочиями и зайдут силой, если вы не...

— Задержите их.

— Но, мистер Хебстер, Специальная комиссия по расследованиям...

— Задержите их, я сказал. Вы кто, администратор приемной или входная группа? Включите воображение, Руфь! В вашем распоряжении девятьсот сотрудников и корпорация стоимостью десять миллионов долларов. Можете разыграть у себя в приемной любой фарс, можете даже нанять актера, загримировать его под меня, чтобы потом он вышел и свалился замертво к их ногам. Задержите их — и я дам вам премию. Задержите.

Он отключил связь и посмотрел на посетителей.

Хорошо, что хоть у них все было радостно и беззаботно. Эти трое повернулись лицами друг к другу и занялись своей противной бессмысленной болтовней. Они, полные решимости, что-то обсуждали, спорили, повышая друг на друга голос, умоляли, однако уши Алджернона Хебстера улавливали лишь неразличимые звуки, напоминающие чихи, и редкое, но явственное *кхм!*

Он поджал губы с сомнением. Первые люди человечества! *Эти кретины?* Пожав плечами, он зажег сигарету. Что ж тут поделаешь. Это первые люди человечества. А бизнес есть бизнес.

«Нужно просто помнить, что они *не супермены*, — сказал он себе. — Они могут быть опасны, но не супермены. Совершенно точно. Вспомни эпидемию гриппа, которая чуть не стерла их с лица земли, также вспомни, как ты облапошил тех двух первяков в прошлом месяце. Они не супермены, однако и не люди. Просто нечто иное».

Он бросил взгляд на секретаршу и утвердительно качнул головой. Грета Сайденхайм стучала пальцами по клавишам своей машинки, словно набирала простенькое деловое письмо, например, об определении доли мужа в наследуемом состоянии жены. Он подумал было, правильной ли методикой она пользуется, чтобы уловить все интонации. Однако Грете можно было довериться. Она все делает, как надо.

— *Кхм-кхм! Кхм, кхм-кхм, пчихи. Кхм, кхм... пчихи? Пчихи.*

Что послужило поводом для столь бурного обсуждения? Он просто спросил, как их зовут. У них в Аризоне что, нет имен? Конечно, они не могли не знать, что здесь наличие имен считается стандартной практикой. Они должны знать об этом ничуть не хуже него.

Может, на этот раз их привело в Нью-Йорк что-то еще? Может, нечто, связанное с пришельцами? Он почувствовал, как коротко стриженные волосы на его затылке становятся дыбом, и смущенно пригладил их.